

“МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА” НА ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ КАК ФЕНОМЕН ТРАНСГРАНИЧНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СЛОВЕСНОСТИ В XXI ВЕКЕ

© 2013 г. Н. С. Найденова

В статье рассматриваются предпосылки появления и основные положения Манифестов в защиту “мировой литературы” на французском языке (*littérature-monde en français*) и “мировой идентичности”. На основе трудов зарубежных литературоведов, публицистов и критиков выявляются различные точки зрения на эти проблемы и затрагивается вопрос о перспективах развития франкофонной литературы.

The article deals with the main prerequisites for and key-points of the Manifests *Pour une littérature-monde* and *Pour une identité-monde*. Basing on the works of foreign literary critics, publicists and scholars, the author examines different takes on the Manifests and outlines the perspectives for further development of the francophone literature.

Ключевые слова: франкофонная литература, мировая литература, французский язык, франкофония, идентичность.

Key words: francophone literature, world literature, French language, francophonía, identity, *littérature-monde*, *identité-monde*.

Колониальная экспансия Франции, достигшая своего апогея к концу XIX – началу XX века, обусловила выход французского языка за пределы европейского ареала распространения и возникновение его отдельных разновидностей в Африке, Карибском бассейне и Океании. Именно в этот период и возник термин “франкофония”, первоначально служивший для обозначения совокупности франкоговорящих территорий и их жителей. По мере формирования местных элит, получивших европейское образование, на этих территориях стала развиваться собственная литература на французском языке. Таким образом, франкоязычные литературы, за исключением собственно Франции, Швейцарии, Бельгии и Канады, довольно молоды (они являются ровесницами XX века), в силу чего они изначально занимали окраинное положение на литературной карте мира. В начале XX в. представители творческой интеллигенции, в первую очередь, писатели, осознали возможность развития взаимообогащающего культурного обмена, предоставляемого единой языковой общностью. Так появились первые объединения франкофонных писателей и журналистов. После деколонизации Африки, молодые республики которой сохранили тесные культурные, политические и экономические связи с бывшей метрополией, возникла идея институционального оформления франкофонии как

межправительственной организации на основе единого языка, цель которой состояла бы в усилении культурного и технического обмена между ее странами-членами. Так, в частности, в 1970 г. появилось Агентство по культурному и техническому сотрудничеству (АССТ), ныне – Международная организация франкофонии (OIF). Со временем Франкофония как институциональное образование превратилась в мощную организацию, поддерживающую культурные и творческие инициативы выходцев из франкоязычных стран. Тем не менее, в XXI в. термин “франкофонный” все чаще стал подвергаться критике в силу того, что восприятие Франции как центра, а остального франкофонного мира – как периферии перестало устраивать в первую очередь именно писателей.

16 марта 2007 г. в газете *Le Monde* был опубликован манифест за подписью 44 франкоязычных писателей, включая Ж.-М.-Г. Ле Клезю, М. Ле Брис, Э. Орсенна, Ж. Руо, ознаменовавший появление нового термина – “мировая литература на французском языке” (*littérature-monde en langue française*) [1]. Манифест призывает возвести писателей, пишущих на французском языке, в один ранг с французскими, отказавшись от дискредитировавшего себя, по их мнению, термина “франкофонный” (*francophone*). Авторы манифеста полагают, что это позволит познакомить более широкие читательские круги с их творчеством и

тем самым преодолеть кризисную ситуацию, сложившуюся в замкнувшейся на себе французской литературе. Французский язык должен освободиться от “эксклюзивного пакта”, заключенного с Францией. Подписавшие манифест писатели считают, что пора признать очевидный факт: Париж (да и сама Франция) перестал быть литературным центром. Теперь этот центр находится “повсюду, в четырех концах света”. Таким образом, манифест ознаменовал конец франкофонии – “последнего оплота колониализма” (“подписал ее свидетельство о смерти”) – и объявил о рождении “мировой литературы” на французском языке, не знающей национальных границ и открытой к взаимодействию с миром.

Идея создания манифеста появилась в 2006 г. на ежегодном литературном фестивале “Очарованные странники” (*Etonnants voyageurs*), проходящем в г. Сен-Мало (Франция), а также ряде других городов за пределами Франции – Бамако (Мали), Порт-о-Пренс (Гаити). Инициаторами выступили французские писатели Мишель Ле Брис, лауреат Гонкуровской премии Жан Руо, лауреат премии Ренодо конголезец Ален Мабанку и лауреат ряда литературных премий джибутиец Абдурахман Вабери. Катализатором послужил тот факт, что осенью 2006 г. пять из семи важнейших французских литературных наград, включая Гонкуровскую премию, были присуждены писателям, создающим свои произведения на французском языке, но рожденным не во Франции. Но, несмотря на это, они по-прежнему не считаются французскими писателями и остаются заточенными в “гетто франкофонии”.

По мнению авторов манифеста, франкофония представляет собой исключительно политический институт, в котором писатели и художники практически не представлены, что само по себе вызывает негодование. Кроме того, в выставке, посвященной франкофонным литературам, писатели из самой Франции не участвовали, хотя сама Франция является официальным членом Международной организации франкофонии. Таким образом, благие намерения организаторов познакомить широкую общественность с произведениями авторов из разных стран, пишущих на французском языке, обернулась демонстрацией того, что в “первый эшелон” французских писателей они не входят. Следовательно, термин “франкофония” за время своего существования обрел пейоративную коннотацию и для большинства самих франкофонов носит постколониальный оттенок [2].

Выбор самого термина *littérature-monde* не случаен. Во-первых, он продолжает идею необ-

ходимости развития литературы путевых очерков, призванной описывать мир, свои впечатления о нем и личный прожитый опыт (*littérature voyageuse*), манифест в поддержку которой вышел в 1992 г. [3]. Один из его авторов – Мишель Ле Брис – вступил в качестве инициатора концепции “мировой литературы на французском языке”. По мнению авторов обоих манифестов, именно путевая словесность призвана вдохнуть новую жизнь в мировую литературу.

Во-вторых, авторов манифеста вдохновило английское “номадическое” письмо (в частности, работы Брюса Чатвина), в центре бурного развития которого оказались писатели-выходцы из стран Британского Содружества, которые не стали нивелировать свое творчество в соответствии с английской культурой, но продолжали ориентироваться на свою собственную “множественную идентичность”.

В-третьих, термин *littérature-monde* созвучен получившему широкое признание понятию *tout-monde* Эдуарда Глиссана, мартиниканского мыслителя и писателя. Сам он определяет термин *tout-monde* как “сегодняшний мир в том виде, в каком он существует, во всем своем хаотичном многообразии” [4, р. 8]. По мнению Э. Глиссана, хаос (Э. Глиссан также ввел понятие *chaos-monde*) подразумевает не только беспорядок, но также и невозможность предусмотреть изменения, которые происходят в сегодняшнем “креолизованном” мире, и управлять ими. Эдуард Глиссан также является одним из авторов манифеста в поддержку “мировой литературы на французском языке”.

И, наконец, в-четвертых, концепция *littérature-monde* основана на англосаксонском понятии *world literature* (“мировая литература”), часто используемом в англо-американских исследованиях по сопоставительной литературе [5, р. 37]. Данный термин, в свою очередь, берет начало от понятия *weltliteratur*, введенного в оборот Гете, который еще в 1827 г. в беседах с Эккерманном заявлял о том, что “национальная литература сейчас мало что значит, на очереди эпоха всемирной литературы, и каждый должен содействовать скорейшему ее наступлению” [6, с. 219].

Манифест получил широкий резонанс не только в литературных, но и политических кругах. Не оставил манифест без внимания Генеральный секретарь Международной организации франкофонии, бывший Президент Сенегала Абду Диуф, который в своей статье от 20 марта 2007 г., опубликованной в газете *Le Monde*, обвинил авторов манифеста в подмене понятий “франкофония” и “франкоцентризм” [7, р. 24]. А. Диуф призывает

отказаться от ложного представления о франкофонии как о наследии колониализма или орудия борьбы за превосходство французского языка, напоминающей столетнюю войну.

В 2007 г. за манифестом последовала публикация книги “За мировую литературу на французском языке” [8], представляющей собой сборник статей писателей, поддерживающих данную инициативу. В своей вступительной статье Мишель Ле Брис и Жан Руо заявляют о том, что французская литература находится в состоянии асфиксии с 1960-х гг. – лингвистический структурализм, а затем и формализм, присущий “новому роману”, иссушили ее. Чтобы оживить литературу и избавиться от превосходства формы над содержанием, необходимо возродить способность литературных текстов “рассказывать о мире” (*dire le monde*), в частности, повествуя об опыте путешествий [8, р. 41].

В сборник вошли статьи писателей, получивших признание не только во Франции, но и за ее пределами (например, лауреат премии Ренодо Ален Мабанку, член Гонкуровской академии Тахар Бен Джеллун). Цель этих писателей состоит в том, чтобы стать носителями “литературного койне” подобно тому, что сложилось в англоязычной литературе, вырваться из тисков франкофонии, к которой, как отмечает Жак Годбу, сами французы себя не причисляют [8, р. 105]. Таким образом, все сторонники идеи *littérature-monde* едины в своем мнении о том, что термины “франкофония” и “франкофонный” носят не только устаревший, но и пагубный характер, а тот факт, что в библиотеках и книжных магазинах книги этих писателей проходят процедуру “сегрегации” и попадают в отдел франкофонии, подразумевает скорее некое гетто нежели потенциальную возможность для читателя познакомиться с чем-то новым и интересным для себя.

А. Мабанку отмечает, что само понятие франкофонии носит расплывчатый характер и подразумевает снисходительное отношение к ее представителям со стороны Парижа [8, р. 56]. Писатель категорически отказывается и от того, чтобы его причисляли исключительно к африканским писателям: “Например, если взять нигерийца Воле Шойинка и француза Луи-Фердинанда Селина, то один из этих писателей для меня – *иностранец*. И это вовсе не Селин, чьи произведения я читал в оригинале, а Шойинка, с творчеством которого я познакомился лишь благодаря усилиям переводчиков” [8, р. 61]. А. Мабанку определяет *littérature-monde* как “факт признания и осознания нашего вклада в фонд общечело-

веческих знаний, осуществленного с помощью французского языка” [8, р. 65]. “Франкофонным считается писатель-чужестранец нефранцузского происхождения, который должен осознавать свой несколько приниженный статус по отношению к исконно французским писателям”, – отмечает Тахар Бен Джеллун [8, р. 117]. Другие писатели высказываются еще более категорично. Так, например, чадский писатель Нимро заявляет о том, что “франкофонных писателей не существует, этот эпитет надо бы вообще исключить из нашего словаря” [8, р. 234].

Ряд специалистов в области литературоведения и языкознания выступили с критикой манифеста. Так, Ж.-П. Кавалье в газете *Libération* отметил, что вместо того, чтобы противостоять “франкоцентризму”, манифест, напротив, способствует его укреплению: “На самом деле, речь шла всего лишь о том, чтобы симулировать свой собственный кризис, изобразить децентрализацию, а затем вновь объявить себя центром: общепризнанным центром, который к тому же берет на себя смелость определять право на существование не самих мировых литератур (что очевидно не представляется возможным), но литератур на французском языке, создаваемых во всем мире. Таким образом, идеология франкофонии не только не побеждена, но, вопреки громким заявлениям, содержащимся в манифесте, живет и процветает” [9].

В этой связи нам кажется уместным также обратиться к работе американских ученых Франсуази Лионнэ и Шу-мей Ши, посвященной транснациональному подходу к изучению “миноритарных” культур (*Minor Transnationalism*) [10]. Синхроническое изучение изначально далеких друг от друга малых культур (азиатско-американской, афро-американской, афро-французской), занимающих периферийное положение по отношению к соответствующей доминирующей культуре, позволило им прийти к выводу о целесообразности проведения дальнейших исследований, исходя не из оппозиции “центр-периферия”, а из горизонтальных (латеральных) взаимосвязей между самими “периферийными” культурами. На основе трудов Ж. Делеза и Ф. Гваттари (“Кafka: в защиту малой литературы”, “Тысячи плато: капитализм и шизофрения”) авторы развенчивают исторически сложившийся подход к изучению малых культур и литератур в аспекте парадигматических отношений и прибегают к использованию не иерархизированных, подвижно организованных систем (ризом). Сам факт критики центра, по мнению авторов, лишней раз подтверждает его доминирующую роль, его особое место во всех аспектах

культурного воспроизводства. Любые попытки лишить центр своего статуса лишь подчеркивают тот факт, что именно центр по-прежнему остается в фокусе изучения [10, р. 3]. Таким образом, *другой* как объект социологического и культурологического исследования так и продолжает существовать скорее в форме некоей будущей перспективы, а не реальности [10, р. 11].

Ведущие исследователи литературы стран Тропической Африки Лилиан Кестелоот и Амаду Ламин Салл упрекают авторов манифеста в том, что их внимание сосредоточено исключительно на современности, а также в нежелании признать важность роли, которую сыграла литература колониального и постколониального периода, созданная именно за пределами Франции. Ведь большинство тех, кто подписал манифест, являются наследниками именно этой литературы, а отнюдь не путевых очерков, пропагандируемых идеологами *littérature-monde* в качестве панацеи, позволяющей внести новую струю во французскую изящную словесность. Кроме того, еще в 1970-х гг. писатели, чьи произведения сегодня являются частью “золотого фонда” африканской литературы (лауреат премии Ренодо Ямбо Уологем, Шейх Хамиду Кан), говорили о своей творческой независимости от Парижа. Таким образом, сам манифест представляет собой лишь плохо замаскированный маркетинговый ход, направленный на привлечение внимания к творчеству определенного круга современных писателей [11, р. 2].

В 2008 г. Камиль де Толедо опубликовал исследование, в котором подчеркивает зыбкость самой основы *littérature-monde*: ее предшественницы – литературы путевых очерков (*littérature voyageuse*) [12].

Известный исследователь французского языка в Африке Пьер Дюмон в своем открытом письме заявил, что манифест представляет собой демагогию, носящую характер саморекламы, и не без иронии указывает на грамматическую ошибку в тексте, который “подписало слишком много знаменитостей, которые так и не удосужились тщательно проверить его” [13, р. 61–62].

Отношение писателей, интересы которых непосредственно затрагивает манифест, к *littérature-monde* различно. Ряд писателей безоговорочно поддерживает его (мадагаскарец Жан-Люк Рахариманана [14, р. 322], чадец Нимро [14, р. 297–298]). Другие принимают его с определенными оговорками: например, камерунец Гастон-Поль Эффа говорит о том, что само слово *littérature-monde* представляется ему плеоназмом [14, р. 145]. Есть и те, кто совершенно не поддержива-

ет данную концепцию: сенегалка Кен Бугул отказывается обсуждать данную тему [14, р. 182], гвинеец Тьерно Моненембо говорит о том, что он не чувствует себя ни франкофоном, ни частью “*tout-monde*” в понимании Э. Глиссана [14, р. 275].

Волна критики лишь подогрела интерес к манифесту не только во Франции, но и в мире. С 2007 по 2010 г. в крупнейших университетах США, Европы и Северной Африки прошло 6 конференций, посвященных *littérature-monde*. По данной тематике было опубликовано около 10 книг (см, например [5; 12; 13; 15; 16]).

Следующий виток интереса к *littérature-monde* был отмечен в 2010 г. с созданием авторами манифеста во главе с Мишелем Ле Брисом и Жаном Руо неологизма *identité-monde* (“мировая идентичность”) в рамках оживленных дебатов, ведущихся во Франции по поводу национальной идентичности. Расширяя предмет своего исследования, писатели переходят от вопросов развития литературы к рассмотрению личностной идентичности, складывающейся в условиях глобализации. Следует отметить, что попытки определить идентичность, выходящую за рамки государственных границ, предпринимались и ранее.

Уже упоминаемый ранее Э. Глиссан, заимствовав понятие “ризомы” (“корневище-луковица”) из философии постмодернизма, введенное Ж. Делёзом и Ф. Гваттари [17], создал определение “ризомной идентичности” (*identité rhizome*). Идентичность мультикультурной личности сравнивается со специфической формой корневища с отростками, которые растут во всех направлениях и беспорядочное переплетение которых невозможно предусмотреть [18, р. 19].

В своей книге “Моя бабушка из племени банту и мои предки галлы” известный конголезский писатель Анри Лопес называет себя “лицом без определенной идентичности” (*Sans Identité Fixe*) и говорит о том, что имеет тысячу и одну идентичность, но хотел бы упомянуть три из них: первоначальную идентичность (*identité originelle*), связывающую его с предками и родиной, международную идентичность (*identité internationale*), делающую его членом большой франкофонной семьи, и личную идентичность (*identité personnelle*), подразумевающую возможность личного выбора вне зависимости от общественного. Эти три идентичности автор сравнивает с тремя струнами одной гитары, которые можно перебирать по очереди, парами или одновременно, стараясь при этом не порвать их, чтобы мелодия не потеряла свою гармонию [19, р. 11–20].

М. Ле Брис и Ж. Руо взяли за своеобразный девиз труднопереводимую фразу Артюра Рембо *Je est un Autre* (“Я – другой”, где после местоимения первого лица используется глагол в форме третьего лица) из письма Жоржу Измабару от 13 мая 1871 г. Свою точку зрения они излагают в книге с одноименным названием «Я – другой: в защиту “мировой идентичности”» [20]. В сборник вошли эссе таких писателей, как Ален Мабанку, Хуан Гойтисоло, Паскаль Бланшар, Вилфред Н’Сонде. Всех их объединяет убежденность в том, что каждый из них сочетает в себе целую палитру идентичностей, выражаемую сквозь призму художественной словесности.

Появлению книги предшествовала статья Жана Руо, опубликованная в газете *Le Monde* от 13 декабря 2009 г. под не оставляющим сомнений заголовком “Понятие нации – это атавизм!” [21]. Речь в ней шла о том, что если территориальные ограничения не применимы к литературе, то к идентичности – тем более. Развивая содержащиеся в статье идеи, Мишель Ле Брис заявляет, что просто абсурдно говорить о наличии одной единственной идентичности в современную эпоху постоянных миграций, открытости информационных потоков и “культурной телескопии”. Он призывает французов изменить свои “ментальные координаты”: по его мнению, необходимо перейти от категориальных структур мировосприятия (государство-нация, границы, оппозиция “внешний/внутренний” и т.д.) к более гибким. Франция все больше и больше превращается в “перекресток, где сталкиваются несколько идентичностей”. В этом и состоит идея “мировой идентичности”, “идентичности-тысячелистника”. И каждый человек должен определить, в чем для него состоит эта множественность. В этой связи на первый план выходит именно литература [20, р. 26]. Ведь, в отличие от науки, которая подразумевает повторение опыта на основе определенных закономерностей, литература позволяет понять Другого, не объясняя и не анализируя его, но познавая его и одновременно узнавая в нем себя [20, р. 17]. Как отмечает камерунский писатель Аший Мбембе, “...создание границ, воздвижение стен, дамб и изгородей тщетно: сколько бы ни пытались разделять, сегрегировать, классифицировать, иерархизировать и превращать в изгоев тех, кто не похож на остальных, или с кем у нас, на первый взгляд, нет ничего общего, мир все равно один, и все мы имеем право на существование в нем <...> Следовательно, нас объединяет чувство или даже желание быть, каждому по-своему, человеком, полноправным жителем Земли и наследником всего ее многообразия” [20, р. 116].

Можно по-разному относиться как к понятию “мировой литературы на французском языке”, так и к теории “мировой идентичности”, но очевидно одно: манифесты, речь о которых шла в настоящей статье, привлекли повышенное внимание международных литературоведческих кругов к вопросу о том, какую роль играют сегодня некогда “периферийные” литературы и какова идентичность члена мультикультурного общества, создав тем самым почву для дальнейших дискуссий и исследований по данной проблематике. *Littérature-monde* играет роль локомотива в становлении нового – трансграничного/транснационального – подхода к изучению французской литературы и ментальности (*transnational French studies*) (подробнее см. [5]). Авторы манифестов в силу своей известности имеют доступ к самым разным средствам массовой информации, включая ведущие периодические издания (*Le Monde*, *Le Figaro*), а также наиболее уважаемым издательствам (*Gallimard*). Поэтому, в отличие от других манифестов, сведения о которых не вышли за пределы академических кругов [5, р. 78], авторам концепций *littérature-monde* и *identité-monde* удалось популяризовать свои идеи среди самых широких общественных кругов и привлечь их к их обсуждению. Появление подобных манифестов и их широкий общественный резонанс наглядно свидетельствуют о том факте, что вчерашние окраины мировой литературной республики, изначально ориентировавшиеся на Францию, теперь сами превращаются в источник обогащения и обновления франкоязычной литературы, сочетая в себе элементы различных культур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Barbery M., Ben Jelloun T., Borer A. et al.* Pour une “littérature-monde” en français // *Le Monde*. 16.03.2007. URL : http://www.lemonde.fr/livres/article/2007/03/15/des-ecrivains-plaident-pour-un-roman-en-francais-ouvert-sur-le-monde_883572_3260.html.
2. *Garcia L., Julliard C.* La “littérature-monde” en français: un bien commun en danger // *Libération*. 14.07.2007. URL : <http://www.liberation.fr/week-end/0101107310-la-litterature-monde-en-francais-un-bien-commun-en-danger>.
3. *Le Bris M.* Pour une littérature voyageuse. Paris : Éditions Complexe, 1992.
4. *Chanda T.* La “créolisation” culturelle du monde, entretien avec Edouard Glissant // Label France. 2000. № 38. P. 38–39.
5. *Hargreaves A.G., Forsdick C., Murphy D.* Transnational French studies: postcolonialism and littérature-monde. Liverpool : Liverpool University Press, 2011.

6. *Эккерман И.П.* Разговоры с Гёте в последние годы его жизни. М.: Художественная литература, 1981.
7. *Diouf A.* La francophonie, une réalité oubliée // *Le Monde*. 20.03.2007. P. 24.
8. *Le Bris M., Rouaud J.* Pour une littérature-monde. Paris: Gallimard, 2007.
9. *Cavaillé J.-P.* Francophones, l'écriture est polyglotte // *Libération*. URL : <http://www.liberation.fr/tribune/010198018-francophones-l-ecriture-est-polyglotte>.
10. *Lionnet F., Shu-mei Sh.* Minor Transnationalism. Durham: Duke University Press, 2005.
11. *Sall A.L., Kesteloot L.* Un peu de mémoire, s'il vous plaît // *Le Monde des Livres*. 6.12.2007. P. 2.
12. *de Toledo C.* Visiter le Flurkistan, ou les illusions de la littérature monde. Paris: PUF, coll. "Travaux pratiques", 2008.
13. *Dumont P.* La Francophonie *autrement*, héritage senghorien. Paris: L'Harmattan, 2008.
14. *Brezault E.* Afrique. Paroles d'écrivains. Québec: Mémoires d'encrier, 2010.
15. *Chemain-Degrange A., Cambon V., Gastaldi M.* "Littérature-monde" francophone en mutation: écritures en dissidence. Paris: L'Harmattan, 2009.
16. *Elkin L.* The End of Francophonie: The Politics of French Literature. *The White Review*. 2011. № 2. URL : <http://www.thewhitereview.org/features/the-end-of-francophonie-the-politics-of-french-literature>.
17. *Делез Ж., Гваттари Ф.* Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, М.: Астрель, 2010.
18. *Glissant E.* Introduction à une poétique du divers. P.: Gallimard, 1995.
19. *Lopes H.* Ma grand-mère Bantoue et mes ancêtres les Gaulois. Paris: Gallimard, coll. "Continents noirs", 2003.
20. *Le Bris M., Rouaud J.* Je est un Autre: pour une identité-monde. Paris: Gallimard, 2010.
21. *Rouaud J.* La nation a fait son temps! // *Le Monde*. 13.12.2009. URL : <http://www.paperblog.fr/2621428/identite-nationale-selon-jean-rouaud/>